

На всякий случай он отправил домашним сообщение с просьбой быть осторожными, одновременно пытательно размышляя о том, куда могла сбежать Цинь Цзяюй.

Не успели они дойти до перекрестка, как Цинь Цзинь резко остановился и медленно произнес:

— Старый дом.

.....

Старая промзона — здесь не то что камер видеонаблюдения, даже светофоров поблизости почти не было.

Каждый раз, приходя сюда, Ли Сяньфу видел одну и ту же картину: бегающих и играющих детей да уличных торговцев, зазывавших покупателей со всех переулков.

Пройдя через переулок, они увидели впереди ветхий жилой дом.

Ли Шаша, шагавший впереди всех, внезапно оказался схвачен за загривок. Он с недоумением обернулся к Ли Сяньфу:

— Папа, что за дела?

Ли Сяньфу отпустил его воротник:

— В последнее время Цинь Цзяюй кидало из крайности в крайность, да и характер у нее взрывной. Вдруг она устроила в квартире ловушку?

— Например, едва мы откроем дверь, выскочит навстречу с ножом? — спросил Ли Шаша.

— В ближнем бою у Цинь Цзяюй нет преимущества, — поразмыслив, ответил Ли Сяньфу. — Или что-нибудь более прямолинейное...

Без всякого предупреждения он вскинул голову.

Стоявшая на крыше Цинь Цзяюй застыла от неожиданности — пытаться скрыться было уже поздно.

Ли Шаша мгновенно всё понял:

— Эта сумасшедшая хочет пришибить нас падением.

Ли Шаша ведь только недавно выторговал у судьбы еще двадцать лет жизни!

Ли Сяньфу дал ему легкий щелчок по голове:

— Не ругайся.

С этими словами он пошел вглубь двора, чтобы убедиться, что даже если Цинь Цзяюй спрыгнет, она на них не упадет.

На крыше бушевал сильный ветер. Солнце еще не взошло, и осенняя прохлада медленно просачивалась сквозь одежду к самой коже.

Стоявшая на самом краю Цинь Цзяюй, казалось, вовсе не чувствовала холода. Встретившись с

Ли Сяньфу взглядом, она вдруг усмехнулась:

— Как и ожидалось от тебя, ты снова разоблачил мою уловку.

Она стояла у самого обрыва — малейшая потеря равновесия, и она полетит вниз.

Цинь Цзяюй разжала пальцы и выронила сумку. Набитые внутри ценности с тяжелым глухим звуком ударились о поверхность. Она приподняла бровь:

— Признаю, ты победил.

От начала и до конца Цинь Цзяюй не обмолвилась с Цинь Цзинем ни словом и даже ни разу не взглянула на него — то ли из скрытой неловкости, которую и сама не могла объяснить.

— Подожди, — внезапно подал голос Ли Шаша, как раз когда Цинь Цзяюй собралась развернуться и прыгнуть.

Цинь Цзяюй, казалось, удивилась его вмешательству:

— Если я умру, разве ты не должен радоваться первым?

— Жизнь — ценная штука, — с непривычной серьезностью ответил Ли Шаша. — Я не знаю, заслуживаешь ли ты смерти, но если ты погибнешь, у папы на душе останется тяжкий груз. Он будет думать, что косвенно подтолкнул тебя к гибели.

Цинь Цзяюй насмешливо фыркнула:

— Лицемерие.

Она перевела взгляд с Ли Шаша на Ли Сяньфу и медленно произнесла:

— У нас изначально были разные стартовые условия. Тебе просто повезло больше: тебе не досталась такая Система.

Ли Сяньфу молчал, а затем качнул головой.

— Ли Тантан сегодня пошла к тебе только потому, что поспорила со мной о твоих чувствах к ней, — спустя некоторое время наконец заговорил Ли Сяньфу, затронув совершенно другую тему. — Хочешь заключить со мной еще один, последний спор?

Цинь Цзяюй слегка растерялась:

— На что спорить?

Ли Сяньфу убрал с лица растрепанные ветром пряди волос и снова умолк.

Вместо него продолжить решил Ли Шаша:

— Как насчет того, чтобы я связался с тобой узами привязки и предоставил тебе честное поле боя?

Ли Сяньфу нахмурился:

— Шаша...

— Папа, я хочу доказать, что любители даровины, сколько бы шансов им ни давай, всегда кончают одинаково, — Ли Шаша сделал шаг вперед, глядя на Цинь Цзяюй. — Упорство, сила воли, забота об окружающих... В тебе нет абсолютно ничего из этого. Даже с моей помощью ты ничего не добьешься. Ну так что, будешь спорить?

Цинь Цзяюй рассмеялась от такой «милосердной» фальши, но затем улыбка с ее лица постепенно исчезла:

— Серьезно хочешь привязаться?

Ли Шаша пристально посмотрел на нее.

Цинь Цзяюй всегда испытывала любопытство по поводу того, какая именно Система была у Ли Сяньфу. Впереди всё равно бездонная пропасть, так почему бы не рискнуть?

— Надеюсь, ты не пожалеешь, — мрачно проговорила она.

Взгляд Ли Шаша был искренним и твердым:

— Давай, дай мне руку.

От автора: Слова, которые Ли Сяньфу так и не произнес: «Шаша, будь человеком». Цинь Цзяюй впоследствии: «Ненавижу!»

Ли Шаша крайне пекся о собственной безопасности, поэтому сделал лишь крошечный шаг вперед — на случай, если Цинь Цзяюй вздумает в порыве безумия утащить его за собой.

Увидев это, Цинь Цзинь едва заметно нахмурился:

— Не делай ничего лишнего.

— Люди предпочитают решать проблемы раз и навсегда, — качнул головой Ли Шаша. — У меня всё иначе. Я и та Система — две абсолютные противоположности, и мне всегда было любопытно глянуть, каков из себя выбранный ею носитель.

Ли Сяньфу тоже вроде бы заколебался и слегка потянул Ли Шаша за руку:

— Будь осторожнее.

— Жажда исследований — вот ступень к развитию, — ответил Ли Шаша. — Папа, ты не должен ограничивать меня рамками человеческого мышления.

С этими словами он молниеносно коснулся ладони Цинь Цзяюй. Едва их пальцы соприкоснулись, в голове Цинь Цзяюй раздался сигнал уведомления:

«Система Универсального Десятиборья приветствует вас. Желаете ли вы принять привязку?»

Всё произошло слишком стремительно. Цинь Цзяюй почувствовала, что многие вещи следовало бы тщательно взвесить, но увидела, как Ли Сяньфу собирается силой оттащить Ли Шаша, а Цинь Цзинь достает телефон, намереваясь, судя по всему, вызвать полицию.

Ли Шаша с видом упрямого сорванца застыл на месте, не двигаясь ни на сантиметр:

— Быстрее! Я могу помочь тебе уйти от полиции.

Понимая, что другого шанса не будет, Цинь Цзяюй стиснула зубы и выбрала «Принять».

«Сопряжение прошло успешно, — прозвучавший в голове голос был куда холоднее прежнего. — Готовится перемещение носителя в другую страну. Запуск программы подготовки "Система Универсального Десятиборья"».

В другую страну?

Убедившись, что это действительно поможет сбежать от полиции, Цинь Цзяюй наконец выдохнула с облегчением.

Три, два, один... По завершении обратного отсчета обе фигуры на крыше — взрослая и маленькая — одновременно обратились в струйку сизого дыма.

Цинь Цзинь несколько секунд безучастно смотрел на опустевшее место, а затем спросил:

— Куда они отправились?

Ли Сяньфу вскинул бровки:

— Не зная куда, ты все равно решил сыграть со мной в одной сцене?

— В общих чертах я догадался, — ответил Цинь Цзинь.

С той минуты, как Ли Шаша упомянул «другую страну», в сочетании с изредка случавшимися странностями Ли Сяньфу, многие загадки обрели смысл. Цинь Цзяюй общалась с Ли Сяньфу мало и ничего не знала о таких его особенностях, как обмороки от вида обнаженного тела или параноидальная самозащита во хмелю, — иначе она наверняка подумала бы трижды, прежде чем соглашаться.

Ли Сяньфу вздохнул:

— Это Страна Матриархата.

Больше он ничего добавить не стал: наложение феодального строя на дискриминацию мужчин неизбежно порождало лишь невероятные бедствия.

Цинь Цзинь внезапно спросил:

— Когда вернется Ли Шаша?

Услышав это, Ли Сяньфу невольно улыбнулся: под внешней холодностью Цинь Цзиня скрывалось куда более чуткое сердце, чем казалось.

Цинь Цзинь повернул к нему голову и добавил:

— Задержится — не успеет сделать домашнее задание на каникулы и опоздает к началу учебного года.

— ...

Ли Сяньфу бесшумно забрал свою прежнюю похвалу назад.

Судя по словам Ли Шаша, он должен был вернуться сразу после того, как доставит человека.

После выхода Системы на пенсию она больше не могла получать энергию за выдаваемые задания, так что станет ли Цинь Цзяюй мастером десятиборья или нет, не имело для него ни малейшего значения.

В этом старом доме жили лишь немногие арендаторы, и поблизости обычно никого не было. Из осторожности, чтобы не привлекать внимания редких прохожих и не провоцировать слухов о самоубийце, Ли Сяньфу отошел глубже на площадку крыши и сел, приготовившись терпеливо ждать.

Цинь Цзинь достал бумажную салфетку и, сделав несколько ловких сгибов, сотворил из складок отчетливый белый цветок.

Ли Сяньфу взглянул на цветок и честно заметил:

— Цинь Цзяюй не идет белый цвет.

Цинь Цзинь качнул головой:

— Просто внезапно вспомнил, что скоро день памяти моих родителей.

Аэропорт находился неподалеку, и вдали было видно, как в небе пролетает пассажирский лайнер, оставляя за собой в облаках две длинные белые полосы.

Ли Сяньфу не спал всю прошлую ночь. Положив голову на локоть, он произнес со сном в голосе:

— Страна Матриархата — Цинь Цзяюй заслужила это. Считаю, утешением для душ твоих родителей на небесах.

Цинь Цзинь положил белый цветок, поднялся на ноги и качнул головой:

— Если бы они действительно знали всё, то не почувствовали бы ни малейшего утешения.

Осталась бы, пожалуй, одна лишь печаль.

С течением времени солнце наконец полностью выбралось из-за облаков.

— Понапрасну растратил каплю энергии, — прежде чем появиться, раздался в воздухе бубнящий голос. Едва твердо встав на ноги, Ли Шаша пошевелил мизинцем: — Пусть всего капельюшечка, но потратить её на неё — сплошная расточительность.

Ли Сяньфу превозмог сонливость и размял плечи:

— Доставил?

Ли Шаша кивнул:

— Кто знает, доведет ли нам в этой жизни еще хоть раз ее увидеть.